

«НОВЫЙ БЫТ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕКСУАЛЬНОГО

**(по материалам русской художественной литературы
и критики 1920–х годов)**

А.М. Пушкарёв

Годы нэпа, которые считаются годами относительной толерантности, автор представляет чудовищным периодом идеологической борьбы с нормальной сексуальностью. Статья является частью длительного исследования, посвященного взаимоотношениям Индивида и Власти в области сексуальных отношений в 1920-е годы.

Введение нэпа принесло страхи относительно будущего революции, которые выражались прежде всего в терминах сексуальности. Пури-танистский настрой Власти, в чих глазах сексуальное могло быть узаконено только в брачных и семейных союзах, вполне соотносим с той серою обыденностью, которой был отмечен быт советских людей того времени. Автор делает свои выводы, анализируя классические тексты того времени – А. Коллонтай, П. Романова, С. Малашкина и других известных писателей.

Ключевые слова: половой вопрос, сексуальная культура, идеология нового быта, власть, этнометодология

В России дискурс художественной литературы и критики был всегда тесно сплетен с идеологическим¹. Изучение этой темы имеет особую ценность для исследователей не только потому, что раскрывает перед ними те стороны человеческой жизни, которые оказались не представленными в официальных документах, но еще и потому, что литература в России всегда была больше, чем просто литература («поэт в России больше, чем поэт...» Е. Евтушенко). Она и в XIX, и в XX веках не раз

¹ Работа выполнена в рамках Программы президиума РАН «Русская культура в мировой истории», проект «Механизмы формирования культурных традиций в русской истории: гендерный аспект».

становилась «учебником жизни» (вспомнить хотя бы «Что делать?» Н.Г. Чернышевского), формируя взгляды, направляя поведение индивидов и масс [Шмидт, 2002. С. 40–49; Зверев, 2003. С. 161–166]:

Художественная литература как исторический источник может быть более достоверной, чем официальная историография, во всяком случае, более очеловеченной. Она позволяет нам узнать, не только о том, какие люди были, но и какими людьми восхищались. Литература и отражает, и формирует историю. Созданные образы, даже если они являются фикцией, вымыслом, могут превратиться в общепризнанную историческую истину [Колененко, 2003].

Обращаясь к художественной литературе и произведениям критиков 1920-х годов, трудно не заметить, что все они отзывались на события, происходившие в то время в стране. Отозвались они и на те новшества, которые были связаны со строительством «нового быта», — создание новых форм взаимоотношений между полами. Как и в случае с брошюрами и статьями идеологов партии и правительства, получавших после публикации характер «установочных» документов, отношение к тому или иному социальному явлению, отображенному в литературном произведении, могло стремительно поменяться вслед за появившимися в печати его оценками, а сами оценки — приобрести характер предписания и руководства к действию. Не стоит забывать и того, что некоторые из литераторов имели — иногда до поры до времени, но все же имели — сравнительно близкие, дружеские отношения с верхушкой советского государственного и партийного аппарата (например, писатель и поэт С.И. Малашкин дружил с В.М. Молотовым) и через тексты своих произведений транслировали нужные на тот момент идеи [Naiman, 1999. P. 100].

Художественные произведения, прикасавшиеся к «падали полового вопроса» [Беззубцев-Кондаков], заостряли перед современниками серьезные политические дилеммы. Среди них — проблема формирования «нового человека», создания новой, так называемой пролетарской, нравственности, вопрос об опасности «мещанства» в советском обществе. Как круги по воде от брошенного камня, вокруг произведений, затрагивающих тему любви без прежних (налагаемых старым правом и церковным браком) обязательств, расходились волны общественного внимания. Иногда эти волны перерастали в неподдельную тревогу за молодежь и выплескивались на страницы молодежной печати, брошюр, газет, журналов.

В молодом советском государстве новая литература отзывалась на те новшества, которые были связаны со строительством «нового быта», созданием новых форм взаимоотношений между полами. Художественные произведения описывали быт людей, их чувства, нравы и отношения, психологию и поступки, иногда гротескно выражали не общий,

а субъективный взгляд их авторов на происходящее¹. Я полагаю необходимым оставить за рамками рассмотрения литературные произведения, в которых весьма натуралистично изображались отношения полов в годы революции, Гражданской войны, военного коммунизма (Б. Пильняка, Ю. Либединского, Н. Вигилянского и Б. Галина). Опубликованные до 1920 года и даже в начале 1920-х годов, не они вызвали интерес к «половому вопросу». Всплеск интереса к нему проявился в годы нэпа и был связан с попыткой перестроить по новому старый быт. Одними из действительно первых литературных произведений, пробивших брешь в традиционной картине весьма пуританского изображения отношений полов, стали литературные опыты А.М. Коллонтай.

Серия рассказов, объединенная единым заголовком «Любовь пчел трудовых» [Коллонтай, 1923], куда вошли также рассказы из серии «Женщина не переломе (психологические этюды)», опубликованные ею чуть раньше под псевдонимом – девичьей фамилией (А. Домонтович), а также «вторая серия» произведений, опубликованных четыре года спустя (повести «Большая любовь» и «Василиса Малыгина»², рассказы «Сестры», все – 1927 года) [Коллонтай-1, 1927; Коллонтай-2, 1927] были (по разным причинам) невысоко оценены литературной критикой. В центре практически всех произведений – женщины, мечтающие о преодолении собственной сексуальности (что дало спустя полвека американскому литературоведу обозначить этих коллонтаевских героинь как «революционно-анорексичных», то есть потерявших вкус ко всему в жизни, кроме служения делу революции – в противовес пышноформым, политически подкованным красавицам соцреализма [Naiman, 1999. P. 320]. Российские современники усматривали в произведениях писательницы иллюстрацию к теории «стакана воды», слишком большую вольность в трактовке вопросов, касающихся отношений между полами, сексуальной морали [Буднев, 1924. С. 243–249], западные – «плоскость» характеров, отсутствие литературных достоинств [Wrobel, 1926. S. 230].

Так или иначе, однако трудно не признать пионерского характера этих литературных произведений. Именно в них А.М. Коллонтай удалось запечатлеть характерные черты «нового полового быта» – снижение ценности девственности для строительниц нового мира, тяжесть выполнения для женщины, включившейся на равных с мужчиной (мужем) в работу на крупном производстве, домашних и, порой, супружеских обязанностей, опрошенность совсем неромантического быта. Как

¹ В данном исследовании не будут анализироваться антиутопии – Евгения Замятина (роман «Мы», 1924), Андрея Платонова (рассказ «Антисексус», 1926) – как отображающие фантастическое восприятие реальности их авторами, хотя взгляд их был концентрированным выражением социального протеста против *такого* решения «полового вопроса».

² Любопытно, что неполное десятилетие спустя, этот роман А.М. Коллонтай был опубликован на английском языке под названием «Свободная любовь» [Kollontai, 1932].

большевичка-феминистка, писательница не могла обойти стороной и тему носителей прогрессивных идей. Ими у нее предстают женщины, именно они были ее героинями (в особенности – Васька, главное действующее лицо повести «Василиса Малыгина»); мужа же этих женщин, друзья и соседи оказывались той социальной группой, которой еще предстояло «дорости» до нового понимания гендерного равенства. Негласный моральный запрет на описание подробностей нормальной гетеросексуальной эротики, существовавший в «приличной литературе» начала XX века, привел к тому, что чувственность в произведениях А.М. Коллонтай (да и современной ей советской художественной литературе в целом) бессознательно прорывалась в страстных однополых объятиях и поцелуях между женщинами. В повестях и романах А.М. Коллонтай сосуществовало многое множество женских образов и, внедряясь в пространство их описания, писательница как бы намекала на возможные психодрамы между этими женскими персонажами (что, по правде сказать, отсутствовало в «машинах коллективного ликования», коими предстают советские люди того времени). Свои произведения писательница завершала открытыми вопросами: «На чьей стороне будущая правда? Правда нового класса, с новыми чувствами, новыми понятиями, новыми усмотрениями?» [Коллонтай, 1923. С. 18].

Именно А.М. Коллонтай следует отдать первенство в постановке вопроса об изменении статуса и прав женщины как сексуального партнера. Известно, что это было связано с личной биографией писательницы [Clements, 1979], но так или иначе, именно она, будучи общественной деятельницей высокого уровня образованности, поставила проблему и показала возможность обсуждать эту «трудную тему» прямо и откровенно, но при этом корректно и достойно. Публикации ее вызвали громадную волну обсуждений на страницах молодежной печати, причем именно молодые женщины высказали первыми свое отношение к опубликованному. «Это юные пролетарки ищут свою пролетарскую идеологию. И они рано или поздно ее найдут. По “несогласным пунктам” они написали письмо и отослали в “Молодую гвардию”. Пусть Коллонтай ответит!» – резюмировал дискуссии собкор молодежной газеты «Смена» [Квашнин, 1923. С. 2].

Комментируя литературное творчество А.М. Коллонтай, рецензент отметил, что оно является «самым чутким общественным барометром в области половых вопросов» [Буднев, 1924. С. 243]. В то же время он считал, что изображенные ею отношения и связи есть живописание «половой распущенности, прикрываемой разными чувствами любви», «ослабления и полного атрофирования сдерживающих половых центров», что не могло не вести «к разврату, к половым недугам и венерическим болезням, к кровосмешению и вырождению». Тему пола он называл «проклятой» и относил к «наследию старого мира»: «Достаточно повнимательней

присмотреться к некоторым молодым “типам” Коллонтаевских “семей”, чтобы понять всю вздорность и опасность таких “новых путей” и таких новых форм брачных отношений...» [Буднев, 1924. С. 247].

Однако студенческие диспуты демонстрировали иное:

Девушка-комсомолка заявляет, что ни варить обед, ни нянчить детей она не намерена: «Я работаю или на собрании – вари ты и стряпай, ты на собрании – я все делаю» [Н. С., 1923. С. 2].

Венейская ячейка (Пск. губ.) после дискуссии «О роли девушки в комсомоле» постановила: девушка должна ругаться дома с родителями за свое право; «крутить» наравне с мальчишками: никого не бояться, не быть застенчивой [В поисках нового быта, 1923. С. 2].

Пиковая дама у картежников стала именоваться «Коллонтаихой» – как самая решительная, непредсказуемая и независимая [Искорки быта, 1924. С. 3; Зафлиртовались... 1924. С. 2].

Мы не сторонники полового аскетизма. Половой аскетизм – крайность, которая может привести к другим нездоровым последствиям. Но мы считаем, что в области половой деятельности человек должен найти какую-то грань, какую-то середину, которая позволяла бы организму распределять вырабатываемую энергию, ценить «не это», а кое-что другое – любовь, основанную на одинаковости интересов борьбы, одинаковости классовых идеалов, сродстве душ [Буднев, 1924. С. 248].

Если рассматривать произведения А.М. Коллонтай не подлежащими оценке с точки зрения традиционных эстетических критериев, а видеть в них часть агитаторской деятельности этой революционерки и ниспровергательницы старых устоев, если замечать, прежде всего, поставленную ею цель – просвещение женщин, побуждение их к освобождению от старой социальной и эмоциональной зависимости, то тривиальная форма изложения ею житейских историй окажется оправданной. Тексты А.М. Коллонтай были понятны, просты, схожи с плакатными методами идеологической пропаганды – только в данном случае пропагандировались новые формы отношений между мужчинами и женщинами, и пропагандировались эти идеи в ясно очерченной целевой группе (молодежь, молодые женщины). Активно разоблачая «буржуазных равноправок», в своем пафосе ценности индивидуальной женской судьбы А.М. Коллонтай осталась фигурой одинокой и непонятой товарищами по партии. Ее концепции свободной любви («стакан воды», «крылатый Эрос», «любовь пчел трудовых», «любовь-игра» или «любовь-товарищество») интересны и сегодня как иллюстрация основной стратегии 1920-х годов в отношении «женского» – стратегии «переживание вместо знания» [Осипович, 1992; Шорэ, 1997. С. 54–61].

Так или иначе, но не только публицистика А.М. Коллонтай (эссе «Дорогу крылатому Эросу!» также появилось в печати в 1923 году), но и ее литературно-художественные опыты способствовали «открытию» эротической

темы в публичном дискурсе. И хотя рецензент утверждал, что «...половая рецептура, вытекающая из романов — рассказов А. Коллонтай, несомненно, будет приводить к кинематографической смене половых связей; к одновременным двухпарным, трехпарным и многопарным бракам; к половым излишествам, к половым болезням и к преждевременной изношенности молодых здоровых организмов; то есть к тому, до чего докатилось буржуазное общество» [Буднев, 1924. С. 248], все же вслед за «Любовью пчел трудовых» в молодой советской прозаике появляется очерк Н.А. Брыкина «Собачья свадьба» (в котором свадьбу главного героя, замененную обычной регистрацией в ЗАГСе, расценили как «собачью», а отношения с женщиной — как собачью случку) [Брыкин, 1925. С. 17–21]. Оказывая новобрачным «собачью честь» (на двери «повенчавшихся» без церковного благословения под портретом В.И. Ленина вместо иконы соседи повесили дохлых собак), неизвестные недоброжелатели демонстрировали отношение к светскому браку как к греховному сожигательству, как к обычной случке, буквально — «собачьей свадьбе», суть которой заключается в отрицании таинства брака, глумлении над традициями, насаждении идеологии вседозволенности. Следом появился трехтомный роман И.Ф. Калининкова «Моши» [Калинников, 1925–1926] (тот самый, по поводу которого не единожды «презжался» в своем творчестве В.В. Маяковский):

А в очереди венерической клиники читает усердно «Моши» Калининкова...
... и идешь верстой болотца длиненького.
Кстати, говорят, что вы открыли
моши этого...
Калинникова?

В романе, действительно, весьма натуралистично описывались гомосексуальные и гетеросексуальные контакты вкупе с гастрономическими излишествами в среде церковного клира — «типичные для сытой и праздной монастырской жизни», как оценил роман рецензент газеты «Правда» [Зорич, 1926. С. 5]. Уже через несколько лет сцены «развратного монастырского жития», «любовная интрига, заслонившая у автора социальный фон», «смакование картин разврата» стали причиной причисления романа к порнографическому жанру и изъятию его из библиотек. Сам автор эмигрировал в Чехословакию и получил впоследствии характеристику «заштатного прозаика», а государство (в котором разворачивалась публичная дискуссия по проблемам «полового вопроса»), апроприировав эмоции, возбуждаемые газетной шумихой, в которой еще более смаковались подробности текста, апробировало такой способ властвования над умами.

Но в тот момент — в 1926 году — роман И.Ф. Калининкова еще был очень популярен [Блюменфельд, 1926. С. 16–21; Гайк, 1926. С. 12–14]. Много позже поэт С. Липкин называл роман И.Ф. Калининкова «бестселлером комсомольской юности» [Липкин, 1997. С. 209], и в нем видели попытку изобразить и запечатлеть типическое половое поведение

в среде не самых передовых или просто отсталых (с точки зрения большевистской морали) социальных групп. В появившемся буквально следом за ним и печатавшемся из номера в номер журнала «Красная новь» романе Ф. Гладкова «Цемент» главные героини представляли уже не отсталый, а «победивший класс» — пролетариат. И если героини «Мощей», по словам знаменитого в то время «врача партии» А.Б. Залкинда, «бесились с жиру» [Залкинд, 1926. С. 8], то героини гладковского романа должны были являть типические черты ожидаемого полового поведения и половых отношений в среде строителей нового общества.

Одна из героинь романа — Даша Чумалова — без колебаний подчиняла личное главному, а именно — общественной работе: она сдавала для реализации этой задачи новорожденную дочь (жизнь которой была дана не по любви, а по случайности) в Дом малютки (сиротский дом) [Гладков, 1925]. Что и говорить о личных эмоциях и вынужденно «забытой» женской сексуальности, точно выраженной словами главной героини Поли Меховой о самой себе: «У нее как будто была голова и не было тела...». Читательницы встретили роман Ф. Гладкова без восторга, недоумением и протестами: они не верили ни автору, ни поступкам героини ¹:

Образ женщины мало удастся нашим писателям. Принято считать, что отличительной особенностью новой женщины является ее смелое, если не сказать легкое поведение, внешняя грубость и бесцеремонность. Вот приблизительный портрет этой женщины: она курит папиросы, носит шапку набекрень, ходит в истоптанных сапожищах, считает материнство предметом лишним, противоречащим основам ленинизма. По образу и подобию сей женщины вылеплены многие героини современных романов. Разве Даша Чумалова с ее грубым поведением и схематизирующим рационализмом является типом новой женщины? [Беккер, 1928. С. 65].

Между тем литературная критика выделила этот роман из множества литературной продукции тех лет именно потому, что в нем была «правда жизни» — в том числе, согласно современным взглядам на предмет, в связи с неожиданно выявленной автором связью между идеологическим и сексуальным насилием [Naiman, 1999. P. 178]. Ф. Гладкову удалось довольно точно зафиксировать своеобразие пресловутого «нового быта» с его постепенной отменой моральных запретов в сфере сексуальных отношений и множественностью предписаний во многих иных.

Совсем иное отношение встретил рассказ П.С. Романова «Без черемухи» [Романов, 1926; Романов, 1990. С. 316], вызвавший еще более острую полемику в молодежной среде, но как раз потому, что показался молодежному читателю жизненным. Метафорическое его название быстро стало нарицательным — как синоним грязных, пошлых, невысших эмоциональных отношений, тех самых, против которых

¹ Отзывы рабочих // ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 2.

протестовала героиня рассказа («Без черемухи не можешь?» — «Нет, могу. Но с черемухой лучше, чем без черемухи»).

Пример нарицательного использования названия романа после его публикации приводит в одной из статей сборор «Красного студенчества». «Используют в качестве ругательства: “Да полюбит господь мамашу твою!.. И не как-нибудь, а с “черемухой!”» [Чужой, 1927–1928. С. 66]. Другой пример: «Мы не придаем проклятью физиологию. Мы не считаем ее позорной и стыдной и не чувствуем необходимости в том, чтобы, краснея, прикрывать ее черемуховым ветом» [Ионов, 1927. С. 139].

Написанный от лица молодой девушки, признающей в совершеннии своего первого сексуального опыта (и имеющий подзаголовок «Из писем женщины»), рассказ недвусмысленно ставил задачу отобразить существовавшие в то время «эксцессы полового анархизма и упрощенчества» в молодежной среде и представить художественно-заостренно нормы и практику половой морали. «Любви у нас нет, у нас есть только половые отношения, и на всех, кто ищет чего-то большего чем физиология, смотрят с насмешкой, как на убогих или умственно отсталых субъектов» [Романов, 1926. С. 48].

Молодежь встретила публикацию неоднозначно, но очевидно неравнодушно. Книги П. Романова и других писателей, откликнувшихся на «половой вопрос», было не найти. «В библиотеках трудно достать такие книги, как “Луна с правой стороны”, “Собачий переулок”, “Без черемухи”, “Жизнь Клима Самгина” и т. д.», — сетовал сборор «Красного студенчества» [Петров, 1927–1928. С. 76]. Критика оценила сочинение на «половую тему» как показатель того, «какой человек хранится в человеке, отошедшем от великого действия». Именно для такого «человечка» оказываются важными и значимыми вопросы пола, поскольку он не в силах порвать с биологическим в самом себе, утверждал критик [Якирин, 1926. С. 17–18]. Однако «половой вопрос» немедленно приобрел характер повсеместно обсуждаемой темы. «Комсомольская правда» сделала специальную подборку цитат из книги «К. Маркс и Ф. Энгельс о браке и семье» и разместила ее вместо передовой в одном из выпусков, причем подборка была сделана самим директором Института Маркса — Энгельса Д. Рязановым [Рязанов, 1927]. Один из комсомольских активистов и постоянных авторов весьма популярного в то время «Женского журнала» призвал всех лекторов-общественников включать отныне в обязательном порядке проблемы пола в свой лекционный репертуар [Юж, 1926. С. 4]. В прессе множились письма протеста, на молодежных собраниях в вузах обсуждались и осуждались опубликованные тексты.

Стенограмма одного из обсуждений — «Вопросы пола и брака в жизни литературы (диспут в Московском Политехническом музее 6 марта 1927 года) — сохранилась в личном фонде критика В.П. Полонского в ИМЛИ. Лично он считал книги П. Романова, С. Малашкина

и Л. Гумилевского «ужасной литературой» именно по причине их безнравственности. В личном архиве В.П. Полонского сохранилось его сообщение о получении письма от читательницы, обличавшей П.С. Романова и приведшей слова популярных стихов:

Развяжи свои подвязки и застёжки расстегни!
Тело, жаждущее страсти, не стыдливо обнажи!

Сурово осуждая читательницу такого рода «литературы», он заключал: «Так ведь это годилось раньше, во времена Распутиных. Но что это будет, если наши фабричные девчонки по первому требованию парней будут раскрывать губы. Нет уж, писатель Романов, лучше побереги эти проповеди для своего интимного кружка и не выпускай на свет...»¹. В том же фонде сохранилась статья «Вопросы пола и брака в жизни и комсомоле»² и стенограмма дебатов в Московском политехническом музее 6 марта 1927 года³. Масса публикаций появилась в молодежной печати. Выразительным примером является обсуждение сочинения П. Романова в журнале «Красное студенчество». Одна из участниц дискуссий утверждала:

Золушки перевелись. Наши девушки прекрасно знают, чего они хотят от парня. Многие из них без особых «переживаний» по здоровому влечению сходятся с ними, умея чувствовать парня через верхушки черемуховых деревьев. Мы не объекты, простачки, за которыми парни должны ухаживать. Девушки знают тех, кого они выбирают и с кем сходятся. Героиня «Без черемухи» стоит одной ногой в старом. А мы хотим твердо, обеими ногами стоять на чудной советской земле и под майским небом, рядом с парнем вдыхать запах травы и яблонového цвета [Бирюкова, 1927. С. 30].

И критик, и читатели почему-то отказывались замечать, что одновременно с повестью «Без черемухи» П.С. Романов опубликовал и ряд других. И если, например, в рассказе «Суд над пионером» он вновь и вновь ставил вопрос о половом воспитании юношества [Романов, 1927. С. 86–91; критику см.: Бобрушев, 1928. С. 26] (и это повлекло поток писем в его адрес, в том числе писем осуждающих – их-то и обнародовали [Гусев, 1927. С. 140–148] – при всем том, что их авторы признавали, что вопрос по-прежнему «висит в воздухе»), то, скажем, рассказ «Большая семья» рисовал вполне «правильные», идеальные межполовые отношения, в которых семья представляла важным социальным фактором, дающим ощущение уверенности, самореализованности и была противопоставлена сексуальным контактам без любви и духовной близости. В «Большой семье» критики усмотрели почему-то одну «сплошную говорильню», в то время как «Без черемухи» подвергли осуждению и с литературной, и с политико-содержательной точки

¹ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 1. Ед. хр. 394. Л. 77–79.

² РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 15.

³ Там же. Ед. хр. 27.

зрения [Petrochenkov, 1988. С. 113]. Правда, первая реакция на сочинение П.С. Романова была снисходительной: описал «все, что видел», показал «человечка, который хранится в человеке, отошедшем от “великого действия”» (строительства нового общества) [Якирин, 1926. С. 17–18].

Молодежная среда и молодые авторы-критики вычленили из сборника рассказов самые «те», что возбуждали споры; они отзывались на них и на повесть «Без черемухи»: «Растет и формируется новый человек. Этого до сих пор не замечают некоторые “бытописатели студенчества”, которые до сих пор пробавляются падалью полового вопроса, и свои собственные сексуальные переживания выдают за студенческий быт» [За новый быт, 1929]. Сам язык осуждения оказался насыщен множеством синонимов, характеризующих моральный упадок и разделение когда-то и чего-то целого на части (диссимиляцию) — «разложение», «разврат», «распушенность»... Читая строчки пожелтевших от времени газет, трудно избавиться от ощущения, что такая последовавшая на повесть «реакция молодежи» была инспирирована.

Вначале в резолюции XIV съезда ВКП (б) (1925 год) прозвучало: «Остатки старой “наплевицкой” распушенности и анархизма в быту вступают теперь в категорическое столкновение с потребностями хозяйственного развития»¹. Следом — понеслось... В 1927 году, после подписания женеvской «Конвенции о нераспространении порнографии», у ВКП (б) появляется основание для изъятия «неправильных книг из библиотек». В этом деле идеологам помогают медики, определяющие, что есть «норма», а что «отклонение» (именно в 1929 году публикуется брошюра А. Мендельсона «Онанизм и борьба с ним») [Мендельсон, 1929].

Публикация огромного «подвала» в газете «Правда» в декабре 1926 года, подписанного П. Ионовым, озаглавленная одинаково с романом, не оставляла камня на камне от концепции свободы в сексуальных отношениях [Ионов, 1926; Ионов, 1928. С. 193]. И вот уже следом за правдинской статьей посыпались новые, в других изданиях. И бурное обсуждение «полового вопроса» оказалось увязанным... с «буржуазным развратом» четвертьвековой давности: «Волна порнографии, пессимизма, упадничества захлестывает нашу литературу. Обновляются мошИ Арцыбашева, Вербицкой, Кузьмина и других героев стольпинского безвременья в лице Калинникова, Пантелеймона Романова, Гумилевского, Малашкина и иже с ними» [Бухарцев, 1927. С. 10].

Однако в ответ на упреки студенты громко протестовали на страницах своей прессы: «Несомненно, есть и у нас “физиология чувств”, есть и у нас поклонники Санина и Арцыбашева. Но обобщать индивидуальные явления — все равно, что стрелять по воробьям из пушек!» [Грибанов, 1927. С. 60].

¹ Резолюции XIV съезда ВКП (б). 1925. С. 286.

Сторожа новой идеологии и нового быта не дремали. Один из них, полагая, что источник «полового разврата» находится не в провозглашенных после революции новых социальных и нравственных принципах, а в «чужой идеологии» межреволюционного периода (начала XX века), писал, что в бездну разврата молодежь рухнула уже тогда, когда «убеленные сединами, почтенные мастера русской литературы, пуская слюни, в прозе и стихах воспевали восторги полового иступления под бурные аплодисменты пакостных франтов... Высшим критерием половой распущенности является ее отрицательная социальная значимость» [Ионов, 1927. С. 126]. Другой его коллега полагал, что истоки «разврата» («сексуального мотива») — есть «отражение образа варварской кулацкой стихии» [Иванов, Кочин, 1929. С. 230].

«Падаль полового вопроса», как ее окрестил корреспондент молодежной газеты, несмотря на критику, продолжала вызывать острое любопытство. 5 000 экземпляров книги П.С. Романова разошлись за несколько дней, прежде всего, потому, что изображенные в ней отношения в молодежной среде были «сколком жизни». «Часто парень, — отмечала в 1927 году комсомолка Л. Каган, не забыв упомянуть о влиянии на молодежные нравы книжки П. Романова, — приставая к девушке и получая отказ, не примирялся с этим и начинал травлю этой “мещанки”, приводящую девушку в таких случаях или к уступке в притязаниях парня, или к выходу из союза» (имеется в виду ВЛКСМ) [Каган, 1927. С. 62]. Подобные примеры не единичны. Под клеймо «мещанство» могли подтянуть обыкновенную сдержанность в отношениях.

Примеры подобного рода приведены в брошюрах дидактической направленности. Так, в одной из них приведено уголовное дело: некто Петров, комсомолец, ученик одной из московских профшкол, влюбился в одноклассницу Веру, «намекнул ей на омрачающую ее молодую жизнь скуку и прочел ей прочувствованную речь о проблемах пола и всех радостях свободной любви». За отказ в интимной близости он ударил ее ножом, а на суде признался: “Я — комсомолец, Вера — комсомолка, значит, она должна не ломаться и согласиться на мое товарищеское предложение. Если отказывается — она мещанка”» [Лебедев, Серов, 1927. С. 31–36].

Напротив, «истинно-коммунистической» все чаще считалось стремление женщин «производить» детей от случайных партнеров (в этом плане особенно показательна пьеса С. Третьякова «Хочу ребенка!», героиня которой, определив кандидатуру будущего отца своего чада, решалась попросить лишь 3-дневный отпуск с работы на конвейере «для производства зачатия».

Героиня пьесы с экзотическим именем Мильда готова была всю себя отдать партии, а не выбранному ею в «мужья» (точнее — в отцы ребенку) Якову. «Я не хочу мужа. Я хочу ребенка. Мне вы сами не нужны. Мне нужны ваши сперматозоиды!» — во всеуслышанье заявляла она [Третьяков,

1927. С. 3–81]. Несмотря на то, что С. Третьяков имел договоренность с В.Э. Мейерхольдом о постановке пьесы, она так и не была поставлена и не стала предметом обсуждения и «судов». Текст пьесы впервые был перепубликован лишь в 1988 году [Третьяков, 1988. С. 206–243]:

Не малую долю успеха надо приписать не художественным достоинствам этих вещей, а просто остроте затронутых вопросов, — подводил черту под студенческим обсуждением произведений Романова, Гумилевского, Малашкина критик из журнала «Красное студенчество». — Но это еще лишний раз доказывает, что учительская роль литературы далеко не кончилась [Лежнев, 1927. С. 51–53].

Примеры влияния литературы на жизнь, если судить по публикациям молодежной прессы за 1926–1927 годы, множились, поэтому «старшие товарищи» сочли необходимым вмешаться и «разъяснить», сиречь расставить «точки над *i*» в неумолимо продолжавшейся дискуссии о сексуальной свободе, заставить войти ее в нужные им рамки. Что это были за рамки, легко себе представить, если ставилась задача «покончить с этим болезненным вопросом», но так, чтобы не дать превратиться идее «свободной любви» «ни в анархию, ни в бордель». По сути, тем, кто «конструировал» нового человека, нужно было направить дебаты в русло «спокойного признания» второстепенности вопросов быта по сравнению с другими вопросами новой пролетарской морали [Ермилов, 1927. С. 174] и перенаправить (сублимировать) энергию из области половой жизни в область полной самоотдачи коммунистическому строительству. «Комсомольская правда» прямо указывала в передовой статье, подписанной профессором В. Гориневским, что «сублимация имеет огромное значение» и пропагандировала половое воздержание [Гориневский, 1926. С. 3]. Обозреватель новейшей художественной литературы в журнале «Красная Новь» полагал:

Упрекать наших писателей в том, что они при изображении человека игнорируют наличие в его психике подсознательного или внесознательного начала едва ли справедливо. Анализируя повесть Чумандрина «Надежда», где главные герои, Федор и Надежда, он замечал, что в «правильную» любовь героев, основанную на банальном сожительстве, примешалось «родственное чувство». Проявление «грубого насилия» героя над героиней он оценивает как проявление «подсознательного авторитарно-патриархального чувства мужа-отца». Обильная дань «власти подсознательного, кажется нам не только не нужным, но в известной степени отрицательным явлением... Торжество биологического человека, прорыв биологического человека сквозь пролетарско-классовое сознание — что это, как не невольный протест против рационалистического подхода к строительству жизни, против которого мелкобуржуазная стихия бунтует, под маской «подсознательного» и «биологии» утверждая себя на фронте художественной литературы [Фриче, 1928. С. 244].

Влиятельный критик того времени Вячеслав Полонский отметил в предисловии к одному из разделов сборника своих статей «опасную волну» эротической литературы, с которой необходимо «покончить» [Полонский, 1928. С. 193]. Примерно те же по смыслу требования он обнародовал годом раньше – в статье, опубликованной газетой «Известия» [Полонский, 1927. С. 3].

Задачей «покончить» с «половым вопросом», «раз и навсегда разобраться» с ним, были вдохновлены и организаторы диспута в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, выдержки из которого сразу после события опубликовал журнал «Молодая гвардия» [Лялин, 1926. С. 168–173]. Среди поддержавших идею продолжения диалога писателей с читателями по наболевшему вопросу (а их было меньшинство) был поэт В. Киришон, что же касается критиковавших, то они подчеркивали гиперболизацию, сгущение красок и пугали дурными последствиями. При этом, однако, заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК РКП (б) С.Н. Смидович отметила, что все же произведение П.С. Романова «не безнадежно», поскольку «Таня ушла от разврата в здоровую личную жизнь» [Лялин, 1926. С. 173].

Так что не успело пройти и года со времени публикации рассказов и повести П.С. Романова, как (буквально – с конца 1926 года) идеологическая машина, можно сказать, повела атаку на либертианские взгляды. Книжки по половому вопросу стали именоваться «порнографией и патологией современной литературы». Со страниц молодежной печати звучали гневные отповеди нескольким современным П.С. Романову прозаикам и поэтам, касавшимся «полового вопроса» [Бронштейн, 1927]. Об изменении взглядов на «половой вопрос», о последовавшей сверху директиве пересмотреть отношение к вопросам морали, о наложенном табу написал в своем дневнике (ныне хранящемся в его фонде в ИМЛИ) сам П.С. Романов .

«Первым звонком» стало восприятие так называемой общественностью (а на деле – идеологами, жестко контролировавшими политические и иные настроения и состояние умов молодежи) нового романа Л.И. Гумилевского (1890–1976), известного в те времена прозаика и поэта, «Собачий переулочек». Следом за ним из-под его пера вышла и новая повесть на ту же тему – «Игра в любовь» [Гумилевский, 1926; Гумилевский, 1927].

Изображая половые отношения в среде молодежи как нерегулируемые никакими нравственными законами, вкладывая в уста героя романа отрицание существования любви («Мы не признаем никакой любви! Это все буржуазные штучки, мешающие делу! Развлечение для сытых!» – декларировал в повести человек с говорящей фамилией Хорохорин) [Гумилевский, 1926. С. 14], Л.И. Гумилевский лишь популяризировал взгляды на «половой вопрос», соотносимые с теорией «стакана воды». Под лозунгом «Голод и секс – инстинкты, требующие удовлетворения»,

лирический герой романа призывал бороться с мещанским бытом и мещанским счастьем и искал себе под стать героиню, готовую отдаваться «по страсти, по животному» («Неужели вам еще и слова нужны?») [Гумилевский, 1926. С. 56]. Именно в этом произведении 1920-х годов оказались выведенными необычные черты тогдашнего молодежного быта, в частности, создание кружков «Долой невинность!» и «Долой стыд!» (их создание поддерживала в романе Анна Рыжинская, подруга Хорохорина). Наказывая в финале главного героя лишением половой силы (по сути – символической кастрацией во фрейдистском понимании), автор не подозревал, что странным образом перекликается с первым большим произведением Хемингуэя «И восходит солнце», где вместо omnipotentного человека авангарда был выведен персонаж, принужденный войной к импотенции (как художественные ценности названные романы, понятное дело, не сопоставимы...). Книга Л.И. Гумилевского пользовалась огромной популярностью в те годы в молодежной среде (об этом говорят рецензии на роман, собранные ныне в фонде 9425 ГАРФа¹). Но именно своей популярностью книга быстро привлекла внимание цензурных и иных органов.

После яростного РАППовского разноса «Собачьего переулка» в конце 20-х годов [Корабельников, 1926. С. 174–176], двери редакций для этого автора, по существу, закрылись [Гумилевский, 1988. С. 83–118], а само издание надолго вошло в «Список книг, подлежащих изъятию из продажи и библиотек». Этот «Список», посланный на утверждение в ЦК, явно составлялся на основании данных о наиболее популярных в молодежной среде книгах². Политконтроль ленинградского ОГПУ потребовал от Ленгублита немедленно конфисковать тираж, но последний отговорился тем, что в Москве появилось уже второе издание романа.

С подачи комсомольских активистов в нескольких ленинградских вузах в 1927 году состоялись «суды» над «Собачьим переулком», который был заклеямен в духе того времени как «клевета и поклеп на советское студенчество»:

Суды, как форма вмешательства «коллективного разума» в частную жизнь индивидов были характерной частью российской действительности не только нэповского, но и всего советского времени, хотя и принимали на протяжении долгих 7 десятилетий советской власти разнообразные формы. В 1920-х гг. они носили вид действительно судебного процесса, тем более кажущегося невероятным, когда речь шла о частной, интимной жизни [Каневский, 1925].

Итоги «судам» должны были подводить молодежные журналы. Один из них, «Красное студенчество», резюмировал:

¹ Оп. 2. Д. 19. Л. 110.

² ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 19. Л. 99–136.

В этом году, как никогда еще в нашей советской литературе, было уделено большое место вопросам студенческой жизни. Больше всего на шумевшими за год произведениями являются «Без черемухи» Пантелеймона Романова, «Луна с правой стороны» Сергея Малашкина и «Собачий переулок» Льва Гумилевского, отображающие — вернее, имеющие на то претензию — жизнь и быт нашего студенчества. Вокруг них и загорелся горячий спор, захвативший различные слои советской общественности: вузовской и невузовской, партийно-комсомольской и беспартийной, писательской и просто читательской. Страстные дискуссии, сменявшие одна другую, бесконечные писания на страницах студенческой и общей печати, даже в стенгазетах, тянутся в Москве вот уже целых *шесть* месяцев [Студент, 1927. С. 63–67].

Начальник Главлита П.И. Лебедев-Полянский печально констатировал:

В области беллетристики наблюдается рост упадочных настроений, частично затронувших пролетарскую и комсомольскую литературу сильным эротическим, а иногда и порнографическим духом¹.

Помимо Л.И. Гумилевского, главный цензор страны того времени назвал произведения П.С. Романова и С.И. Малашкина, о которых было сказано, что они изображают «в искаженном свете половую жизнь рабочих и учащейся молодежи»². Но сами представители «рабочей и учащейся молодежи» не соглашались с мнением цензора:

Нередко дело представляют так, что якобы мы отрицаем наличие в нашей студенческой среде явлений, описанных у Льва Гумилевского. Нет, категорически нет. Днем с огнем не найдете студента, утверждающего подобные штуки. Кому-кому, а нам лучше знать свой быт, его и положительные стороны и отрицательные, большие и «мрачные». «Собачий переулок» — *грубое изображение* студенческого быта свиной щетиной малярной кисти [Студент, 1927. С. 56–58].

Да и сам автор, которому на страницах одного из журналов дали «последнее слово», все-таки заключил: «Ведь бросается в глаза, даже и близоруким, основное и главное романа — любовь не мешанство, а большое и нужное прекрасное чувство, бегство от которого несет человеку полное опустошение» [Гумилевский, 1926. С. 52–53]. Но кто его слушал и слышал?

Прозаик и поэт С.И. Малашкин стал в это время известен благодаря повести «Луна с правой стороны, или необыкновенная любовь» [Малашкин, 1928], в которой довольно смело рассказал о проблеме нравственного растления личности в условиях строительства так называемых «новых отношений между полами». Любопытно, что сам писатель полагал, что пишет фантастику, а не отображение существовавшей реальности

¹ ЦГАЛИ. СПб. Ф. 31. Оп.1. Д. 45. Л. 4.

² Архив РАН. Ф. 597. Оп. 6. Д. 4. Л. 8.

(в журнале «На литературном посту» за 1926 год в рубрике «Писатели рассказывают» С. Малашкин, отвечая на вопрос о своих творческих планах, поделился: «Работаю над *фантастическим* (выделено мною. — А. П.) романом “Луна с правой стороны”...» [Кац, 1993. С. 34]. Он искренне полагал, что своей повестью выплеснул тревогу и отчаяние старшего поколения за судьбы молодежи [Nesbert, 1991. P. 827–835].

Выдержавшая в течение одного 1928 года семь изданий, повесть С.И. Малашкина вызвала настоящую бурю в печати, массу пародий [Бульвер, 1927. С. 10; Архангельский] и подражаний¹. Даже В. Катаев, автор вышедшей в тот же год «Квадратуры круга», не смог пройти мимо поднятых в повести проблем, откликнувшись словами одного из своих героев: «Что нужно для прочного брака? Сходство характеров, взаимное понимание, общая политическая установка, трудовой контакт. Может быть, любовь? Социальный предрассудок, кисель на сладкое, гнилой идеализм...». Эта повесть В. Катаева очевидно перекликается с современными ей произведениями «Третьей Мещанской» В. Шкловского, графическими работами Эль Лисицкого [Дадамян].

Повесть, по словам современника, «просто-таки сметали с книжных прилавков», а сам С.И. Малашкин был невероятно популярен. По сюжету повести, героиня ее (Таня Аристархова), порвав с «кулацкой семьей», вступала в комсомол, приезжала в Москву «за образованием», но вместо этого приобщалась к наркотикам (бывший до 1917 года по карману лишь буржуазии, кокаин после Октября стал доступен для прежних «угнетенных» классов; в годы нэпа кокаином свободно торговали на улицах и рынках). Далее жизнь ее катилась под откос: она подвергалась растлению, носила «газовые платья на голое тело», становясь участницей «афинских ночей» («дала захватать себя, замызгать себя, да еще так, что противно смотреть, докатившись незаметно до 22-го (! — А. П.) мужа»). В дискуссии, развернувшейся по поводу выхода книги в свет, критик вопрошал: «Можно ли сказать, что изображаемые автором комсомольцы типичны, хотя бы для вузовских ячеек? Нет, конечно! Речь — об отдельных группах и отдельных личностях» [Переписка... 1926. С. 218]. Критики резко осудили ходульность образов С. Малашкина и дали издевательский совет: «Если у тебя в половом быту не все ладно, катай на север, занимайся спортом, ходи на охоту, а после “основательно” приезжай к мужу. Никому не нужная, пустая повесть и, если не принесет вреда, так только потому, что кто же ей поверит?» [Бегак, 1926. С. 167].

Встреча героини с героем — Петром, от которого «веяло черноземом», — круто изменила ее жизнь: она «сходилась» с ним и, уехав куда-то на Север, поработав в лесной глуши и занявшись физкультурой, совер-

¹ Архив РАН. Ф. 597. Оп. 6. Д. 4. Л. 3.

шенно исцелилась от своего городского уныния и собиралась счастливо жить с Петром.

Персонажи повести были выведены С.И. Малашкиным как участники безудержного разврата, приукрашенного притягательными революционными лозунгами и возглавляемого «идеологом» (тут педалировалась еще и национальная тема) — неким Исайкой Чужачком, с гордостью называвшим себя «маленьким Троцким из Полтавы». Любопытно, что молодежь оценила повесть С.И. Малашкина как сущую правду:

Самая соль рассказа — половые взаимоотношения между девушками и парнями-комсомольцами, а в значительной доле и между партийцами, в основном подмечены своевременно и верно. Таких «любовобильных» людей, как Аристархова, немало среди молодежи, и актив наш тут тоже в «доле» в значной мере... Разбор ее на коллективных читках, проводя небольшую во время читки дискуссию по отдельным затрагиваемым вопросам, может послужить началом борьбы за правильные взаимоотношения, за правильный быт [Переписка с читателем, 1926. С. 221].

Публикация повести С.И. Малашкина вызвала гневную отповедь центральной молодежной газеты, которая, отрицательно характеризуя степень приближенности к жизни изображенного в повести, настоятельно рекомендовала не только автору сочинения, но и издательству установить *связь* с читателем, жизнь которого якобы отображена в повести [Т-ов, 1927. С. 3]. Эту *связь*, похоже, вполне помогали установить устраиваемые в конце 1920-х «суды над половой распущенностью», сценарии которых публиковались в прессе как пропедевтический и пропагандистский материал [Демидович, 1927]), ориентирующий активистов на превращение «частного» в «публичное», предлагающий варианты и модели такого превращения через признания на коллективных расспросах («судах»). Трудно оценить, насколько невыдуманным является суд над одним из граждан, неким Иваном Кузнецовым, чьи признательные «показания» о сексуальной этике были опубликованы в тот год отдельной брошюрой. Но обращает внимание завершающий вопрос председателя суда: «Должно ли государство вмешиваться?» — и «Ответ публики: “Должно!”» [Божинская, 1927. С. 60].

Между тем одновременно и уже в 1929 году на новые издания повести С.И. Малашкина был наложен запрет. В статье о Малашкине, вышедшей в 1932 году, говорилось: «Расписывая половую распущенность героини повести, комсомолки Тани, “жены 22 мужей”, Малашкин не смог поставить вопроса о социальных причинах этой распущенности... В результате получились необоснованные, огульные обвинения коммунистической молодежи в распущенности» [Малашкин, 1932. С. 735]. Повесть была резко осуждена «коммунистической критикой» и быстро включена в список запрещенных книг.

В тот же «Список» вошла на следующий год после публикации книги С.И. Малашкина книга Н.А. Венкстерн (впоследствии — детской

писательницы, 1891–1957) «Аничкина революция» [Венкстерн, 1928]. Беспросветная, трагическая судьба некой Анички, воспитанницы Института благородных девиц, очутившейся после революции в коммуналке и затравленной соседями, могла бы оказаться и пропущенной советской цензурой. Однако претензии вызывали «слишком откровенные» сцены в духе Л.И. Гумилевского и П.С. Романова, необходимые автору для изображения «угара нэпа».

Наконец, та же судьба постигла и рассказы других молодых авторов, решивших коснуться больной темы. Среди них — С.А. Семенов с его рассказом «Наталья Тарпова», осужденный критикой за то, что «отдал обильную дань власти подсознательного»: речь шла о секретаре фабкома крупной фабрики, деятельной партийной работнице, которая «выработала из себя женщину, освободившуюся от “мещанских взглядов” на любовь и строившую свои отношения “на новых началах”», легко сходясь и расходясь со своими избранниками (в том числе — с враждебной пролетарской средой, инженером). В другом своем произведении («Надежда», 1929 год) было описано грубое насилие над женщиной, которую любит герой повести. Критики оценили отрицательно это стремление натуралистично отображать «правду жизни», настаивая на необходимости «рационалистического изображения человека» [Фриче, 1928. С. 239–244]. «Сексуальная тема получает очень широкое распространение. Можно сказать, что она стремится поглотить все остальные» [Иванов, Кочин, 1929. С. 230–231].

Вот почему не менее гневную отповедь получил молодой прозаик Илья Рудин, написавший о жизни молодежной «коммуны» 1920-х годов («Содружество») [Рудин, 1929].

Главный герой сочинения И. Рудина — Иван Дорош, которому друзья советовали «полечить психостению — неврастеническое наследство фронта», жил в странном коллективе, похожем на коммуны, который он сам и его друзья называли «гуртом». Уродливая форма организация жизни, похоже, наложила отпечаток этого уродства на каждого члена «гурта», считавшего своим долгом вписывать до поры до времени свои самые сокровенные переживания в коллективно ведущийся «гуртовой дневник». В том дневнике (якобы найденном автором, а на деле — сочиненном им) отразились характерные черты «половой идеологии» конца 20-х годов — требование заменить чувство стыдливости чувством товарищества, отрицание ценности девственности, сублимация «половой энергии» в энергию революционную. «Товарищи ведь мы, а не черти сладострастные», — с этим тезисом коммунары Синевский рассуждает в романе о женской стыдливости. «Девичий стыд, воспетый некогда поэтами, — наследственный страх перед нападающими самцами. <...> ...товарищества с женщиной можно достигнуть лишь переступив через стыдливость. <...> на женщине нужно сыграть, чтобы разбудить в ней целый ряд инстинктов, ведущих к освобождению. Стыдливость и девственность — первое

препятствие к эмансипации», «...свободная женщина не имеет тайн», — все это неустанно пропагандировалось тогдашней дидактической литературой [Россианский, 1925]. (В указанной статье речь идет о мастурбации, которую предлагалось лечить как раз «перенаправлением энергии в творчество», дабы каждый молодой коммунист «чувствовал себя крепко увязанным с коммунистическим движением молодежи».)

Часом «икс» для героев рассказа был представлен день, когда в «гурте» появилась «женщина с бедрами роженицы и грудью физкультурницы» — эмансипированная студентка Лиза Мисник. Действие ускорялось: Лиза без лишних церемоний предлагала главному герою в первый день знакомства: «Пойдем спать!», после чего в дневнике появились записи, вполне традиционные для патриархатной идеологии субъектного отношения к женщине (один из членов содружества увлекся вуайеризмом — подглядываниями за переодеваниями Лизы, другим овладела «законно-гнилая мысль, что, может, Лиза станет наконец общей любовницей»). Воспитательные интенции героев романа заканчивались также вполне традиционно для «старого быта» (а совсем не «нового», против которого, собственно, было заострено данное сочинение): один из коммунаров, не выдержав долговременных уроков воспитания в Лизе «потери чувства стыда» и превращения в «свободную, независимую женщину», подсыпал ей снотворного и насиловал, флигель, в котором располагалась ставшая ненавистной главному герою коммуна, сгорал, а сам Дорош погибал в огне.

Насилие в сфере сексуальной, таким образом, эскалировалось автором и в конце рассказа казалось уже мелочью по сравнению с лишением жизни. Пожалуй, это было одно из последних произведений дототалитарного соцреализма, которое еще заканчивалось «плохим концом». В поэзии и прозаике 1930-х годов таких «огрехов» уже не случалось. Хотелось бы подчеркнуть, что публицистика рассмотренного нами периода — 1920-х годов — приводила не единичные примеры создания коммун описанного типа. «Широкое обследование быта молодежи по Северо-Кавказскому краю... показало, что на... 50% [рабочие ребята] живут по пять и больше человек в одной комнате» [Вигилянский, 1927. С. 55], в частности, в которых «девушка, вступающая в половую связь, не отвлекается от общественной жизни» [Новый быт, 1926]. Так что дела, описанные в сочинении И. Рудина, предстают как «типическое» (топос) или по крайней мере «исключительное нормальное». О небольшой коммуне студентов общежития Московского лесного института, созданной в 1924 году, рассказал журнал «Красная молодежь»:

Между собой у коммунаров установлены самые товарищеские, близкие отношения. Обособленной, лично-скрытой жизни нет у коммунаров. Откровенность рождается в их среде сама собой, как прямое следствие потребности поделиться радостями и горем с близкими людьми. Близкая спайка коммунаров, отличающихся общительностью

и незамкнутостью характера, не дает повода к скрытной жизни. И невольно у коммунаров получается так, что содержание личных писем ребят известно всей компании [Адучаев, 1924. С. 91–93; ср. с изменением ситуации — свергыванием коммунальности быта и известности частной жизни коммунаров: Бернштейн, 1930. С. 76–78].

Аналогичные коммуны, где студенты обобществляли все — «мужскую и женскую одежду, очки, костыли» [Дмитрич, 1930. С. 20], где было «все общее: и пальто, и стакан, и ботинки, и даже нижнее белье», — создавались повсеместно, были свои коммуны и в МГУ, где «все коммунары должны были называться «братьями и сестрами». Заметка в журнале сообщала, что «одной девушке взаимно понравился один из коммунаров; “это” было замечено, и на собрании, длившемся всю ночь, в их поступке нашли нарушение коммунистической этики» [Позденко, 1926. С. 24]. Можно предположить, что в случае обработки архивов личных дел коммунаров того времени обнаружатся сведения, формирующие картину менее благостную, чем ее нарисовали публицисты.

Так или иначе, к началу 1930-х годов в литературном дискурсе медленно, но верно происходила подмена бывшей когда-то символом эмансипации от старых моральных норм идеи свободных отношений между полами — идеей медленного возвращения к хорошо забытому старому: необходимости строительства «длительной парной семьи как единственной формы семьи, которая нам нужна» [Луначарский, 1927. С. 24]. «Нужная» форма семьи предполагала вполне традиционное распределение семейных ролей, но такая семья должна была состоять из равноправных (для социума) работников. А то, что к грубым и поспешным любовным связям времен революции и Гражданской войны добавилась изрядная доля бессердечности — на это мужчины-писатели предпочитали закрывать глаза: советские секс-символы под пером их создателей легко прикрывали грубые желания социалистической риторикой.

«Наивную социологию любви», провозглашавшую «пролетарскую мораль» как «любовь-товарищество» (в тезаурусе А.М. Коллонтай такие отношения были следствием «многогранности духа» и «многогранности души») [Коллонтай, 1931. С. 412], уже в начале 1930-х годов было предложено забыть. Советская литература стала старательно избегать изображения интимных мотивов и переживаний, поскольку тоталитарная идеология ханжески настаивала на том, что они имеют второстепенное значение для формирования личности. Все, связанное с «половым вопросом», связывалось, как правило, с распространением «упадочных настроений», стало относиться к распространению «упадочных настроений» [Каган, 1927. С. 62].

Рассмотренная выше «перестройка» в российской советской литературе и общественном сознании, отказ от обращения к теме половой морали и «падали полового вопроса» были следствием того, что мно-

жество литературных произведений, в которых были изображены «новые люди» и «новый быт» оказались тем зеркалом, которое «отразило не то, что нужно». И такое зеркало захотелось разбить. «Голая эротика стала существеннейшим фактором — прежде всего как фактор неблагополучия» [Гинсбург, 1987. С. 156].

То, что описывалось А.М. Коллонтай, С.И. Малашкиным, Л.И. Гумилевским, П.С. Романовым и что действительно существовало в студенческой, пролетарской среде — все это вызывало раздражение. Это была настолько нелицеприятная правда, что от нее идеологам «нового быта» показалось разумнее всего отвлечься.

Список литературы

- Адучаев Н.* Студенческая коммуна // Красная молодежь. 1924. № 4. С. 91–93.
- Архангельский А. С.* Малашкин. Необыкновенный молодняк, или лунатическая любовь комсомолки Клеопатры Гормоновой // <http://www.lib.molod.ru/RUSSLIT/ARHANGELSKY/epigrammy.txt>.
- Бегак Р.* «Луна с правой стороны» С. Малашкина // Молодая гвардия. 1926. № 12. С. 165–167.
- Беззубцев-Кондаков А.* Любовь без черемухи // <http://www.t-e-x-t.ru/staty/staty-011.html>.
- Беккер М.* О новых произведениях комсомольских писателей // Молодой большевик. 1928. № 11–12.
- Бернштейн Л.* Развернутым социалистическим наступлением в быт // Молодая гвардия. 1930. № 3. С. 76–78.
- Блюменфельд В.* О монастырском орнаменте Иосифа Калининкова («Мощи», Т. I) // Жизнь искусства. 1926. № 31. С. 16–21.
- Бобрушев И.* Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М.; Л.: Государственное издательство, 1928.
- Божинская Н.* Преступление Ивана Кузнецова (свободная любовь). М., 1927.
- Бронштейн В.* Отпор // Смена. 1927. 22 апреля.
- Брыкин Н. А.* Собачья свадьба // Брыкин Н. А. В новой деревне. Очерки. М., 1925. С. 17–21.
- Буднев Ф.* Половая революция: любовь пчел трудовых (Рец. на тов. А. Коллонтай) // На посту. 1924. №. 1. С. 243–249.
- Бульвер П.* Луна без черемухи или из собачьего переулка // Смена. 1927. № 9. С. 10.
- Бухарцев Д.* О пессимистической «луне» и пессимизме вообще // Молодой большевик. 1927. № 9, 10. С. 9–10.
- В поисках нового быта* // Смена. 1923. № 10 (47). 10 ноября. С. 2.
- ВенкстERN Н. А.* Аничкина революция: Роман. М., 1928.
- Вигилянский Н.* По следам культурного роста // Молодой большевик. 1927. № 15. С. 51–55.
- Гайк А.* Еще о «Мощах» // Жизнь искусства. 1926. № 35. С. 12–14.
- Гинсбург Л.* Литература в поисках реальности. М.: ГИЗ, 1987. С. 156.

- Гладков Ф.* Цемент // Красная новь. 1925. № 1–6.
- Гориневский В.* Половой вопрос // Комсомольская правда. 1926. 29 января С. 3.
- Грибанов М.* Довольно клеветы // Красное студенчество. 1927. № 8. С. 60.
- Гумилевский Л.* Заключительное слово // Красное студенчество. 1926. № 6. С. 52–53.
- Гумилевский Л. И.* Игра в любовь. М., 1927.
- Гумилевский Л. И.* Собачий переулочок. М., 1926.
- Гумилевский Л. И.* Судьба и жизнь // Волга. 1988. № 8. С. 83–118.
- Гусев С. И.* (ред.). Какова же наша молодежь? М.; Л., 1927.
- Дадамян Г. Г.* Homo novus – homo soveticus // <http://www.art-management.ru/txt/arest.html>.
- Демидович Е. В.* Суд над половой распущенностью. М.; Л.: «Долой неграмотность!», 1927.
- Дмитрич Е.* Быт или не быт – вот в чем вопрос // Красное студенчество. 1930. № 29. С. 16–20.
- Ермилов В.* О бесплодном нравоучительстве // Молодая гвардия. 1927. № 3. С. 166–176.
- За новый быт* // Ленинградский студент. 1929. № 4. 20 ноября.
- Залкинд А. Б.* Половой вопрос в условиях советской общественности. Л., 1926.
- Зафлиртовались...* // Смена. 1924. 29 марта. № 26 (79).
- Зверев В. В.* Новые подходы к литературе как историческому источнику // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 161–166.
- Зорич А.* «Мощи» Иосифа Калининкова // Правда. 1926. 9 апреля.
- Иванов Ф., Кочин Н.* Девки // «Красная Новь». Литературно-художественный и научно-публицистический журнал. Кн. 8. М.; Л., 1929. С. 230–231.
- Ионов П.* «Без черемухи» // Гусев С. И. (ред.). Какова же наша молодежь? М.; Л., 1927.
- Ионов П.* «Без черемухи» // Пантелеймон Романов: Сб. статей. М., 1928. С. 190–193.
- Ионов П.* Без черемухи // Правда. 1926. 4 декабря.
- Искорки быта* // Смена. 1924. № 1 (54). 2 января. С. 3.
- Каган Л.* Работа городской ячейки ВЛКСМ среди девушек. М.; Л., 1927.
- Калинников И. Ф.* Мощи. Л., 1925–1926.
- Каневский А. Е.* Суд над Анной Горбовой по обвинению в производстве себе выкидыша. Одесса, 1925.
- Кац Р.* История советской фантастики. Саратов: Изд-во СГУ, 1993.
- Квашнин.* Комсомолки Скорохода вызывают тов. Коллонтай на диспут о любви // Смена. 1923. № 2 (39). 8 сентября. С. 1–3.
- Колененко В. А.* Художественная литература как исторический источник. Заключительное слово по материалам «круглого стола» // Вестник РОИК (Российского общества изучения Канады). М. 2003. № 18. // <http://www.rasc.ru/pressa/vestnik/vestnik18.html>.
- Коллонтай А. М.* // Литературная энциклопедия. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1931. Т. 5. С. 412.

- Коллонтай А. М.* Любовь пчел трудовых. М.: ГИЗ (Государственное издательство), 1923.
- Коллонтай А. М.* Любовь трех поколений. М.: ГИЗ (Государственное издательство), 1923.
- Коллонтай А. М.* Большая любовь. М.: ГИЗ (Государственное издательство), 1927.
- Коллонтай А. М.* Сестры. Василиса Малыгина. М.: ГИЗ (Государственное издательство), 1927.
- Корабельников Г.* Страсти-мордасти // Молодая гвардия. 1926. № 12. С. 174–176.
- КПСС* в резолюциях и решениях пленумов. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1970.
- Лебедев Л., Серов С.* Молодежь на суде. М.; Л.: ГИЗ, 1927.
- Лежнев А.* Быт молодежи и современная литература (С. Малашкин, П. Романов, Л. Гумилевский) // Красное студенчество. 1927. № 5. С. 51–53.
- Липкин С.* Записки жильца. М.: Книжный сад, 1997.
- Луначарский А. В.* О быте. М.; Л.: ГИЗ, 1927.
- Лялин В.* Диспут в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской // Молодая гвардия. 1926. № 12. С. 168–173.
- Малашкин С. И.* // Литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1932.
- Малашкин С. И.* Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь. Рига: Издательство литературы, 1928.
- Мендельсон А.* Онанизм и борьба с ним. Л.: Изд-во гос. ин-та усовершенствования врачей, 1929.
- Н. С. Комсомольцы* в семье // Смена. 1923. № 10 (47). 10 ноября. С. 2.
- Новый быт* // Смена. 1926. № 16.
- Осипович Т.* Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 45–56.
- Переписка с читателем* (Кузин Н., ф-ка «Свободный пролетарий»). О повести «Луна с правой стороны» С. Малашкина // Молодая гвардия. 1926. № 11. С. 216–218.
- Петров С.* Литературные группы в провинции // Красное студенчество. 1927–1928. № 13. С. 73–76.
- Письмо девушки* // Красное студенчество. 1927. № 3. С. 29–30.
- Позденко.* О коммунах II МГУ // Красное студенчество. 1926. № 11. С. 20–24.
- Полонский В.* О современной литературе. М.: ГИХЛ, 1928.
- Полонский В.* О проблемах пола и половой литературе. 1926 (?) // Известия. 1927. 4 апреля. С. 3.
- Полонский В. П.* Вопросы пола и брака в жизни и в комсомоле // РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 15.
- Романов П.* Без черемухи. М.: Московский рабочий, 1926.
- Романов П.* Без черемухи. Повесть, рассказы. М.: Художественная литература, 1990.
- Романов П.* Суд над пионером // Молодая гвардия. 1927. № 1. С. 86–91.

- Россианский Н.* Об одном распространенном явлении // Комсомольская правда. 1925. № 4. 15 августа.
- Рудин И.* Содружество. М.: ГИХЛ, 1929.
- Рязанов Д.* Маркс и Энгельс о браке и семье // Комсомольская правда. 1927. 12 февраля.
- Свириг А.* Цейтнот (Из воспоминаний). Доступно по адресу: <http://kassandriion.porod.ru/commentary/zurnal/04/12svir.htm>.
- Студент.* Вместо итогов литературной дискуссии // Красное студенчество. 1927. № 10. С. 63–67.
- Студент.* Ответ автору «Собачьего переулка» // Красное студенчество. 1927. № 7. С. 56–58.
- Т-ов.* Библиография // Комсомольская правда. 1927. 2 февраля.
- Третьяков С.* Хочу ребенка // Новый Леп. 1927. № 3. С. 3–81.
- Третьяков С.* Хочу ребенка! // Современная драматургия. 1988. № 2. С. 206–243.
- Фриче В.* В защиту рационалистического изображения человека // Красная Новь. 1928. Кн. 1. С. 239–244.
- Чужой Я.* Штрихи рабфаковского быта // Красное студенчество. 1927–1928. № 7. С. 60–66.
- Шмидт С. О.* Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49.
- Шорэ Е.* Судьба трех поколений или от очарования к разочарованию // Преображение. 1997. № 5. С. 54–61.
- Юж В.* На очередные темы: проблема пола // Женский журнал. 1926. № 2.
- Якирин В.* Пантелеймон Романов. Рассказы // Красная новь. 1926. Кн. 3. С. 17–18.
- Clements B. E.* Bolshevik Feminist: The Life of Alexandra Kollontai. Bloomington (Ind): University of California Press, 1979.
- Kollontai A. M.* Free Love. London: Routledge, 1932.
- Naiman E.* Sex in Public. Reincarnation of Soviet Ideology. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1999.
- Nesbert A.* Suicide as Literary Fact in the 1920-s // Slavic Review. 1991. V. 50. P. 827–835.
- Petrochenkov V.* (Петроченков В.) Творческая судьба Пантелеймона Романова. Tenaflly (NJ): Basic Books, 1988.
- Wrobel I.* Wege der Liebe // Die Weltbühne. 1926. № 22 (2). S. 230–233.

Артеми́й Миха́йлович Пушкаре́в,
аспирант Российского государственного университета
гуманитарных наук, Москва
электронная почта: push@stoletie.ru
